

Словно что-то вспомнив, он снова поднял голову и добавил:

— Ты, наверное, не видел. Это артхаусный фильм, шёл в прокате всего несколько дней, тема немного деликатная, но отзывы в сети были очень хорошие. Я играл небольшую роль. Я счастлив, что снялся в нём... для меня это было очень глубоким переживанием.

Сюй Чжичжэню показалось, что это название он где-то слышал, но точно вспомнить не мог. Чувствуя лёгкую неловкость, он сказал:

— Я потом поищу, посмотрю и напишу тебе рецензию.

Се Бэй кивнул:

— Хорошо. — И добавил:

— Ешь быстрее, стейк и правда вкусный.

Домой он вернулся уже после девяти. Сюй Чжичжэнь, неся в руке контейнер с едой, помахал ему на прощание. Двери лифта закрылись перед ним, и Се Бэй, прислонившийся к косяку и машущий ему из-за сужающейся щели, постепенно скрылся из виду, пока щель вовсе не исчезла.

Помыться и лечь в кровать удалось только часов в десять. Сюй Нанькай как раз вернулся, Линь Нянь готовила ему ночной перекус, У Сюфан помогала на кухне. Мать с дочерью были в ударе, Сюй Чжичжэнь лишь поздоровался и отправился в комнату отдыхать.

Он подложил подушку под поясницу, взял телефон, полистал ленту новостей и вдруг вспомнил. Открыл браузер и стал искать «Чжаочжао».

Прочитав синопсис, он наконец понял, почему фильм был таким «деликатным». Он рассказывал о событиях, происходивших в стране в прошлом веке, используя притчу, чтобы связать воедино потрясения каждого периода, и повествовал историю в хронологическом порядке. Героиня родилась в тридцатых годах, её путь был разделён на четыре временных отрезка. Каждый отрезок описывал то, что она переживала, но не только это. Жизнь героини на фоне глобальных событий была не просто её личной историей, но и отражением всего общества. Общество влияло на неё, не позволяя отстраниться ни на йоту.

Се Бэй играл мальчика, которого героиня встретила во втором периоде — в юности. Он был юным гением, воспитывался у старой тётушки, а после её смерти выживал лишь благодаря тому, что соседи делились с ним то лепёшкой, то глотком каши. В школе его называли редкостным талантом, но эпоха была несправедлива: как и многих образованных молодых людей, его отправили в деревню — пасти коров, кормить свиней. Он не мог с этим смириться, его стремлением была наука, он хотел служить родине своими знаниями. Он был бледным, худым, тщедушным — совсем не таким, как полагается в его годы, невысокого роста, и его часто обижали. Лицо было миловидным, иногда одноклассницы, увидев его, краснели, но тут же злобные парни начинали насмехаться. Днём он пас скот, а ночью в соломенной хижине, при свете масляной лампы, лихорадочно писал, выводя формулы, и никогда не сдавался.

В то время героиня встретила мужчину, которого полюбила. Под бесконечным звёздным небом, на полевых тропинках деревни у них завязался роман.

Одноклассники, отправленные в деревню вместе с ним, не любили юного гения, издевались, называли его знания фальшивыми — мол, каких бы похвал ни удостоился, сейчас он всё равно

здесь, в деревне, пасёт коров. Пылкие, воодушевлённые юноши часто бывают impulsive and dismissive, они предвзяты и неистовы, отвергают тех, кого считают чужаками, и тот, кого она любила, был таким же. Хотя героиня и не хотела участвовать в травле, она не смела встать на противоположную сторону, тем более что любимый был в их стане. Она могла лишь молчать. Молчать.

Не прошло и полугодя, как она рассталась с любимым и уехала в другую деревню. Позже она узнала, что тот юный гений, тот хрупкий, бледный юноша с ямочкой на щеке, когда улыбался, утопился в реке. Перед смертью он исписал целую книгу черновиками с формулами, а после того, как над ним надругались ради забавы крепкие парни, не вынес унижения и бросился в реку.

Позже, когда образованная молодёжь начала возвращаться в города, кто-то из тех, кто, как и она, боялся говорить, но не смел заступиться, тайком увёз толстую тетрадь с черновиками юноши обратно и показал школьному учителю.

Учитель рыдал, поставил ему памятник и каждый год приходил поклониться.

Она не смела прийти. Она чувствовала, что перед ним виновата, и каждый год лишь издали смотрела, как учитель, шатаясь, седеет, пока тот не угас. Уехав из городка, она больше не могла навещать его. Уже перед смертью, в старости, она вместе с супругом вернулась в тот городок и, набравшись смелости от бесстрашия умирающего, наконец пришла поклониться, но у надгробия всё равно заплакала.

Сюй Чжичжэнь читал до часу ночи и лишь в конце осознал, что давно плачет — провёл рукой по щеке, а она мокрая. В душе его поселилась непонятная тоска. Он встал, взял салфетку, вытер лицо, потом подошёл к окну и смотрел на нескончаемый поток машин внизу, похожий на длинную серебряную реку, несущуюся в ночи, не угасая.

В наше время ещё могли снять такой фильм... Он не мог выразить, что чувствовал. Лишь замедлился на мгновение, потом вернулся, взял телефон и написал Се Бэю.

«... — Очень хороший фильм, ты сыграл отлично, и история очень-очень хорошая».

Полминуты спустя телефон дважды завибрировал.

«— Спасибо. Это выдающаяся работа, и я благодарен, что встретил её».

— Ложись спать, спокойной ночи».

Он пошевелил пальцами и лишь тогда осознал, что совсем не хочет спать. Ответил: «Спокойной ночи».

На следующий день снова пошёл дождь. В сердце Сюй Чжичжэня что-то дрогнуло, он взял зонт и фотоаппарат и отправился на прогулку, ловить кадры.

Мелочи старых переулков в мелкой измороси становились неясными, плакучие ивы клонились низко, осенний ветер пробирался сквозь длинные-длинные улочки, беззвучно задерживаясь рядом. Он стоял под карнизом, полуприкрывая фотоаппарат от капель, и снимал извилистые закоулки, чёрную птичку, укрывшуюся от дождя на подоконнике, звонкий стук дождя и длинные-длинные завесы воды.

Обед он устроил в FamilyMart. Круглосуточных магазинов в Шанхае было до одури много, что составляло разительный контраст с Пекином, но это не делало Шанхай более человечным. Напротив, он был куда холоднее.

Он сидел под тёплым потоком воздуха из кондиционера FamilyMart, ел карри, рядом стоял йогурт с воткнутой трубочкой, фотоаппарат лежал на соседнем сиденье. Вне обеденного часа людей в магазине было мало, продавец за прилавком тихонько помешивал одэн. Сюй Чжичжэнь долго смотрел в окно, пока жёлтый лист, прилипший к земле, не отклеился и не улетел прочь. Только тогда он отвел взгляд, сделал несколько глотков йогурта, выбросил пустую коробку от еды в мусорку, вдыхая распространявшийся в воздухе аппетитный запах одэна, подошёл к стойке, выбрал ещё несколько шариков, потом толкнул дверь и вышел.

После полудня дождь кончился. Он заткнул в уши наушники и бродил по шанхайским улицам.

Пусть город и был холоден, но за этой холодностью скрывалось не только это. Его жизненная сила сильно отличалась от пекинской, его нежность была завернута в множество слоёв, так что людям виден был лишь жестокий, ледяной, как лезвие, внешний облик, будто выкованный из стали панцирь, без единой щели, куда можно было бы проникнуть.

На улице он купил печёный батат, заодно попросил пакет, чтобы убрать зонт, и сунул его в повседневную сумку через плечо. Дальше шёл куда глаза глядят — если заблудится, всегда можно поймать такси.

Неожиданно по пути ему попался открытый выставочный зал. Сюй Чжичжэнь спросил на входе — оказалась выставка работ одного довольно известного в стране художника. Он купил билет онлайн и вошёл в прохладное пространство зала.

Посетителей и так было мало, а после дождя в выставочном зале бродили всего несколько человек, скрестив руки. Зал оказался больше, чем он ожидал, был ещё и второй этаж. Поначалу он подумал, что раз на первом не нашлось работ, которые бы его по-настоящему зацепили, то и подниматься не стоит, но в конце концов прошёлся у лестницы и всё же поднялся.

В пояснении говорилось, что работы наверху — ранние произведения художника, линии простые, замысел не слишком сложный, содержание разнообразное, созданы в период с двадцати до тридцати пяти лет.

Но Сюй Чжичжэнь неожиданно влюбился в одну картину. Основной фон — обширное тёмно-красное пятно, густое, как кровь. В самом низу — пара глаз, чистых, но полных растерянности, тревоги, страха. Рядом, теснясь, — множество других глаз, длинных, круглых, узких, широких, добрых, злых, красивых, уродливых, все они смотрят на ту пару глаз в глубине. Он глянул на название — очень простое: «Взросление».

Он несколько раз сфотографировал картину, она ему настолько понравилась, что он спросил у смотрителя, продаётся ли это полотно.

Тот на мгновение застыл, потом сказал: «Извините, только для выставки».

Он немного огорчился, но ничего поделать было нельзя. Ещё немного походил по второму этажу и наконец вышел.

Редкий беззаботный день. С полной плёнкой в фотоаппарате и двумя кусочками торта «Чёрный лес» он сел на автобус и поехал домой. Но дома никого не застал. Позвонил и узнал, что

сегодня концерт в Шанхае, и вся семья пошла поддержать, а про него, ушедшего из дома, и забыли.

<http://bllate.org/book/16272/1464483>